РАЗСКАЗЪ ОЧЕВИДЦА

О ДѢЙСТВІЯХЪ 2-Й БРИГАДЫ 3-Й ГРЕНАДЕРСКОЙ ДИВИЗІИ

ВЪ ОСТРОЛЕНКСКОМЪ СРАЖЕНІИ 14-го МАЯ 1831 года.

Читая краткій разборъ исторіи польскаго возстанія и войны 1830 и 1831 годовъ Ф. Смита, помѣщенный въ „Военномъ Сборникѣ" за прошлый 1863 годъ, я нашелъ въ описаніи остроленкскаго сраженія нѣкоторыя неправильности и упущенія. Принимавши личное участіе въ этомъ дѣлѣ, я счелъ себя въ правѣ, для исправленія этихъ ошибокъ, изложить ходъ дѣла такъ, какъ оно было въ дѣйствительности.

3-я гренадерская дивизія, подъ командою генерала Набокова, сдѣлавъ усиленное фланговое движеніе отъ города Лукова, къ десяти часамъ утра, подошла къ Остроленкѣ. Послѣ краткаго отдыха, отрядъ этотъ, при выходѣ изъ лѣса, былъ встрѣченъ выстрѣлами непріятельскихъ батарей. Несмотря на сильный огонь, дивизія построилась по обѣимъ сторонамъ шоссе, подъ прикрытіемъ нашей артиллеріи, и двинулась въ боевомъ порядкѣ къ Остроленкѣ.

Какъ только показались польскія колонны, князь Горчаковъ приказалъ генералу Мартынову атаковать мятежниковъ съ своею бригадою. Суворовскій полкъ, подъ командою полковника Полякова, и Астраханскій, подъ командою подполковника Бабикова, построились немедленно въ линію колоннъ къ атакѣ,

и, подъ общимъ начальствомъ генерала Мартынова, двинулись впередъ, прикрываясь густою цѣпью стрѣлковъ. Артиллерія наша сбила батареи мятежниковъ, которые начали отступать, а застрѣльщики, подойдя на ружейный выстрѣлъ, открыли огонь. Пѣхота мятежниковъ, видя настойчивое наступленіе и сильный резервъ, начала отступать къ Остроленкѣ. Генералъ Мартыновъ приказалъ барабанщикамъ бить наступленіе и полку прибавить шагу, и, направивъ астраханцевъ вправо къ церкви, штурмовать городъ, съ суворовцами продолжалъ фронтальное наступленіе по шоссе, по которому отступали мятежники По приближеніи къ городу было приказано 2-му баталіону двинуться бѣглымъ шагомъ (*). Мятежники, въ главѣ которыхъ находилась значительная толпа всадниковъ, вѣроятно свита Скржинецкаго, быстро отступили въ глубину города. Мы вбѣжали въ городъ безъ выстрѣла и вовсе не по пятамъ непріятеля, при чемъ захватили въ плѣнъ лишь отсталыхъ, но на площади были встрѣчены сильнымъ огнемъ мятежниковъ, засѣвшихъ въ домахъ. Въ городѣ не было ни барикадъ, ни рукопашнаго боя, ни окоповъ, ни даже пожара. Тотчасъ были назначены команды для штурма домовъ; съ ними были отправлены поручики Дьяконовъ, Савеловъ 1-й и прапорщикъ Яшковъ; бой въ домахъ шелъ довольно успѣшно; взято было съ оружіемъ въ рукахъ 4 оберъ-офицера и 76 нижнихъ чиновъ; много разбѣжалось, но впослѣдствіи было взято въ плѣнъ до 1,000 человѣкъ.

Во время стрѣльбы изъ оконъ у насъ раненыхъ не было, но было много контуженныхъ. Пули скользили по аммуниціи или дѣлали въ ней впадины, не пробивая насквозь; много пуль впослѣдствіи найдено въ ранцахъ. Аммуниція прежней пригонки, закрывая почти всю грудь широкими ремнями, многихъ спасала въ бою отъ ранъ и смерти. Во время штурма мятежники открыли сильный артиллерійскій огонь изъ-за Нарева, по направленію шоссе и чрезъ мостъ, и навѣсными выстрѣлами зажгли зданія, составлявшія правый фасъ площади. По приказанію генерала Гурко, Суворовскій полкъ былъ назначенъ тушить пожаръ. Несмотря на свистъ ядеръ и трескъ гранатъ, наши

(*) На большую дистанцію и при предстоящемъ боѣ не совѣтовалъ бы обезсиливать людей бѣгомъ, который вовсе не укрѣпляетъ, но утомляетъ ихъ, особенно во всей аммуниціи, и послѣ котораго столько же нужно времени отдохнуть, сколько бѣжали. Слѣдовательно, истомленнымъ принимать бой безполезно.

Прим. авт.

гренадеры, по примѣру своихъ начальниковъ, живо взобрались на крыши домовъ, дружно принялись работать шанцовымъ инструментомъ, и пожаръ скоро былъ потушенъ. Два орудія были поставлены противъ непріятельской батареи и дѣйствовали неумолкно. Поляки, подъ прикрытіемъ своей артиллеріи, разбирали настилку моста, сняли половину досокъ и готовились поджечь остальныя; но въ то же время были двинуты астраханцы. 2-й баталіонъ подполковника Бека, подъ сильнымъ картечнымъ огнемъ, первый бросился на мостъ. Баталіонный командиръ былъ раненъ картечью въ грудь. Капитаны Яковлевъ и Фохтъ, подъ градомъ пуль и картечь, съ крикомъ „ура!“ перебрались по перекладинамъ на правый берегъ. Много храбрыхъ было перебито и переранено, многіе упали въ Наревъ; но цѣль была достигнута: орудія взяты еще теплыми. Вмѣстѣ съ тѣмъ астраханцы должны были выдержать натискъ вновь прибывшихъ колоннъ. Бой завязался горячій. Хотя товарищи ежеминутно присоединялись, но мятежники успѣли возвратить одно орудіе.

Генералъ Мартыновъ, видя за рѣкой это побоище, прискакалъ на площадь къ Суворовскому полку, сказалъ: „суворовцы! астраханцы погибаютъ! пойдемъ! не посрамимъ бригаду!“ и приказалъ капитану Тяжельникову вести 2-й баталіонъ за собою шестирядною колонною на пловучій мостъ (мостъ этотъ сначала не былъ замѣченъ), а 1-й баталіонъ, подъ командою маіора Ивашинцова, направилъ чрезъ большой мостъ, по перекладинамъ, на помощь астраханцамъ. Баталіонъ Суворовскаго полка подошелъ къ пловучему мосту вовремя, опрокинулъ и прогналъ команды, намѣревавшіяся обрубить канаты и спустить мостъ по теченію; перешелъ на правый берегъ и, подъ сильнымъ непріятельскимъ огнемъ изъ-за шоссе, построился въ колонну къ атакѣ. При переправѣ потери не было; ранена нѣсколькими пулями лошадь подъ генераломъ Мартыновымъ. Несмотря на сильный огонь, генералъ самъ пѣшкомъ повелъ баталіонъ на выручку къ астраханцамъ. Астраханцы дрались до изнеможенія. Припертые къ рѣкѣ, они не теряли мужества и присутствія духа. Поляки были въ такомъ азартѣ, что не обратили вниманія на приближавшійся баталіонъ и замѣтили его тогда только, когда, по крику генерала Мартынова: „коли ихъ ребята!“ суворовцы бросились въ штыки. Ободренные астраханцы, перешли тоже въ наступленіе, кололи и били безпощадно. Мятежники не устояли: повернули назадъ и бѣжали

прямо на свою батарею. Одно орудіе, какъ трофей замѣчательнаго перехода чрезъ Наревъ, осталось въ рукахъ астраханцевъ.

Суворовцы, вмѣстѣ съ примкнутыми къ нимъ астраханцами, по пятамъ преслѣдовали бѣгущаго непріятеля, вмѣстѣ съ этой нестройной толпой достигли непріятельской батареи и овладѣли четырьмя изъ пятью орудіями, оставшимися безъ прикрытія, безъ ящиковъ и безъ лошадей. Артиллеристы, увлеченные толпой, бѣжали также къ лѣсу, преслѣдуемые нашими выстрѣлами. Одно орудіе досталось запряженное; но лошади заупрямились, перепутались въ уносахъ: нужно было обрубить постромки и свезти орудіе внизъ на людяхъ. Баталіонный командиръ распорядился вывозкою и остальныхъ орудій и уже назначилъ роту штабсъ-капитана Дьякова въ прикрытіе. Но мечта наша отступить въ порядкѣ и съ торжествомъ не осуществилась: польская кавалерія, показавшаяся изъ-за лѣса съ лѣвой стороны, ясно высказала свои намѣренія. Баталіонный командиръ приказалъ бросить орудія и строиться въ каре, осмотрѣть кремни, цѣлиться и стрѣлять мѣтко. Люди пріучены были смыкаться къ флангамъ, не соблюдая ранжира, и скоро кой-какъ построились.

Кавалерія пошла рысью. Баталіонный командиръ, подпустивъ ее шаговъ на 200, открылъ огонь, не приказавъ бить тревоги, чтобъ не нарушить спокойствія и хладнокровія людей. Выпустивъ выстрѣла по три, поляки въ безпорядкѣ понеслись во весь карьеръ на суворовцевъ, которые, пока были патроны, отстрѣливались хладнокровно. Дерзость непріятеля простиралась до того, что поляки, окруживъ баталіонъ, бросались на штыки, саблями рубили ружья, силясь ворваться въ каре; но ихъ до этого не допустили, хотя ружья измѣнили, потому что патроновъ было мало. Видя столь затруднительное положеніе, баталіонный командиръ приказалъ бить тревогу и кричать „ура!“ Испуганныя лошади повернулись сами и понеслись назадъ, провожаемыя выстрѣлами храбраго баталіона (*).

(*) Г. Каретковскій, водившій своихъ конныхъ егерей въ атаку на суворовскій баталіонъ, разсказывая объ этомъ дѣлѣ въ 1848 году въ Вильнѣ, въ домѣ полковника Штакельберга, прибавилъ: zal, bardzo zal, ze za dymem, nemogtem, poda'c veke dowudcy bataliona. Полковникъ Штакельбергъ сказалъ ему на это: «не жалѣйте, лучше столкнитесь грудь съ грудью; онъ здѣсь», и вывелъ изъ другой комнаты бывшаго dowudcu. Какъ два старыхъ друга обнялись прежніе противники. Встрѣча эта была едва-ли не лучшимъ мгновеніемъ въ ихъ жизни и произвела глубокое впечатлѣніе на всѣхъ присутствовавшихъ при этомъ. *Прим. авт.*

Отбивъ атаку, баталіонъ отряхнулся и оправился. Баталіонный командиръ опять хотѣлъ распорядиться вывозкою орудій; но изъ лѣса показались шесть непріятельскихъ колоннъ. Принимать бой съ превосходнымъ въ силахъ непріятелемъ, на такомъ значительномъ разстояніи отъ нашего главнаго отряда и послѣ значительной убыли людей, было бы неосторожно и неблагоразумно. Баталіонный командиръ рѣшился отступить. Едва успѣли мы отойти шаговъ 200, какъ польская кавалерія пошла въ атаку. Баталіонъ остановился, приготовился къ встрѣчѣ; но непріятель раздался и открылъ легкое орудіе, которое дало выстрѣлъ въ колонну картечью. Потери почти не было: жертвою была лошадь подъ баталіоннымъ командиромъ. Сомкнувшись послѣ выстрѣла, уланы во весь карьеръ бросились на баталіонъ, но, на разстояніи 100 шаговъ встрѣченные мѣткимъ огнемъ, смѣшались, повернули совершенно въ противоположную сторону, попали вправо въ болото и выстрѣлами нашей батареи, поставленной по лѣвую сторону Остроленки, были окончательно уничтожены. (*)

Между тѣмъ, польскія колонны продолжали съ пѣснями двигаться въ нашемъ направленіи. Баталіонный командиръ, въ ожиданіи предстоявшаго неровнаго боя, передвинулъ баталіонъ шаговъ на 200 и занялъ позицію за шоссе. Генералъ Мартыновъ встрѣтилъ тутъ своихъ любимцевъ-суворовцевъ, разблагодарилъ, перецѣловалъ и приказалъ строиться въ дивизіонныя колонны по двѣ роты. Восторгъ при встрѣчѣ храбраго начальника былъ неизъяснимый. Генералъ сообщилъ намъ, что астраханцы тоже храбро дрались, отстаивая свой постъ, отбили и уничтожили поляковъ и что первый баталіонъ ихъ, по окончаніи настилки досокъ на мосту, присоединится къ намъ. Пловучій мостъ, разорванный въ продолженіе дѣла, былъ уже исправленъ.

Не прошло десяти минутъ, какъ польскія колонны подступили къ тому же шоссе. Мятежники были большею частію вооружены косами, что подало намъ поводъ назвать ихъ рухавкой. Генералъ Мартыновъ, обратясь къ солдатамъ, сказалъ: „Смотри, ребята, крѣпче держись, не отступай къ рѣкѣ: человѣкъ по пяти на штыкъ сади".

(*) Отрядъ этотъ состоялъ изъ польскихъ улановъ 2-го полка, подъ командою поручика Кейзера, который въ 1860 году, въ городѣ Красноставѣ, лично разсказывалъ полковнику Тяжельникову о неудачной атакѣ, о болотѣ и о губительномъ дѣйствіи нашей артиллеріи.

Польскія колонны стояли въ нерѣшимости, положивъ ружья на шоссе, которое въ этомъ мѣстѣ возвышено отъ горизонта земли почти на сажень. Генералъ Мартыновъ приказалъ нашимъ войскамъ осадить шаговъ на 50, чтобъ удобнѣе встрѣтить атакующаго ружейнымъ огнемъ, подтвердивъ, что могутъ колоть штыкомъ и драться кому какъ удобнѣе, но не отступать. Первый баталіонъ, назначенный намъ въ помощь, уже переходилъ мостъ и строился въ углу между рѣкою и шоссе. Суворовцы въ это время подбѣгали къ шоссе и бросали въ колонны мятежниковъ камнями чрезъ шоссе, пустыми бутылками и чѣмъ попало. Генералъ Мартыновъ приказалъ однако прекратить эти шалости и готовиться къ бою. Польскія колонны, послѣ отдыха, взлѣзли на шоссе и съ крикомъ бросились на насъ. Встрѣченные дружнымъ батальнымъ огнемъ, онѣ смѣшались, но не отступили, ворвались въ наши ряды, и завязался жестокій рукопашный бой. Штыку не было мѣста: дрались прикладами, какъ попало, безъ правилъ. Наконецъ подоспѣлъ къ намъ на помощь 1-й баталіонъ, ударилъ во флангъ полякамъ и также вступилъ въ рукопашную схватку. Бой продолжался съ ожесточеніемъ съ обѣихъ сторонъ. Непріятель, усиливаясь постоянно, тѣснилъ нашъ лѣвый флангъ къ рѣкѣ. Генералъ Мартыновъ, не видя исхода этого побоища, приказалъ барабанщикамъ бить тревогу: бой приняли по всей линіи, суворовцы закричали „ура!“ и съ новыми силами ударили въ штыки. Поляки, ошеломленные этой неожиданностію, въ паническомъ страхѣ бросились за шоссе. Суворовцы преслѣдовали ихъ, заняли шоссе и ружейнымъ огнемъ провожали бѣгущихъ. Внѣ выстрѣла поляки остановились, устроились и вторично направились къ шоссе, по протяженію котораго мы заняли довольно длинную линію и встрѣтили атакующаго сильнымъ ружейнымъ огнемъ. Такимъ образомъ было отбито до шести послѣдовательныхъ атакъ, имѣвшихъ цѣлію опрокинуть насъ въ Наревъ, завладѣть мостами и уничтожить переправу намъ.

Болѣе трехъ часовъ держалась наша бригада за рѣкой, пока были исправлены мосты и представилась возможность перевести войска для дѣйствій на правый берегъ Нарева. Первые перешли лейбъ-уланы, по пловучему мосту, и понеслись на кавалерію, атаковавшую астраханцевъ; но пересѣченная мѣстность воспрепятствовала успѣху этого движенія: подъ картечнымъ огнемъ, съ большою потерею, должны были они отступить.

Въ это время полковникъ Поляковъ, сильно контуженный ядромъ въ лѣвый бокъ, отправился въ г. Остроленку; старшій по немъ, капитанъ Тяжельниковъ, вступилъ въ командованіе полкомъ. Генералъ Мартыновъ, видя большую убыль въ людяхъ, приказалъ перестроить полкъ въ одинъ баталіонъ, по 14 рядовъ во взводѣ.

Бой въ это время замолкъ. Польская кавалерія покушалась на атаки; но шоссе насъ прикрывало и давало возможность безнаказанно наносить вредъ непріятелю и пользоваться каждою его оплошностію.

Успѣшными дѣйствіями нашей бригады, подъ командою исполненнаго благоразумія и отваги генерала, были уничтожены всѣ покушенія мятежниковъ разрушить мосты на Наревѣ, и тѣмъ обезпечена, по исправленіи поврежденій въ мостахъ, возможность переправы остальнымъ войскамъ на правый берегъ, для дальнѣйшихъ дѣйствій.

Справедливость требуетъ сказать, что артиллерія наша, расположенная по обѣимъ сторонамъ Остроленки, всего болѣе способствовала успѣшному исходу дѣла: мѣткими выстрѣлами она разстраивала колонны непріятельской пѣхоты и ихъ кавалерію, ослабляла дѣйствительность атакъ и заставляла молчать ихъ батареи.

Послѣ настилки большаго моста и исправленія пловучаго, генералъ Бергъ первый переѣхалъ верхомъ на правый берегъ и долго наблюдалъ за движеніемъ польскихъ войскъ, устраивавшихся, вѣроятно, для рѣшительнаго боя. Въ скоромъ времени начали переходить полки: два морскихъ, 3-й карабинерный, который въ то же время взялъ орудіе съ бою, Екатеринославскій, и заняли позицію; также двинулись Сибирскій и графа Румянцова-Задунайскаго полки 3-й гренадерской дивизіи, подъ начальствомъ генерала Набокова: первый занялъ позицію на правомъ флангѣ, подъ угломъ, второй—въ той же линіи. Онъ выдержалъ сильную кавалерійскую атаку и тѣмъ сохранилъ позицію нашего праваго фланга. Суворовцы и астраханцы остались на своихъ мѣстахъ за шоссе, въ резервѣ. 5-й карабинерный полкъ оставленъ былъ въ прикрытіи артиллеріи, а 6-й карабинерный присоединился тоже къ гренадерамъ. Вслѣдъ за гренадерами перешла 3-я пѣхотная дивизія и заняла позицію въ первой линіи. Но когда польская батарея перешла съ лѣваго фланга на правый, то усиленный огонь непріятельской

артиллеріи заставилъ эту дивизію отступить за шоссе, за Суворовскій полкъ. Батарея наша, усиленная тоже до 40 орудій, заставила однако скоро замолчать непріятельскую батарею, которая, какъ можно было замѣтить, много пострадала и прекратила пальбу. Въ это время генералъ Добрышинъ, съ содѣйствіемъ своихъ старыхъ суворовцевъ (*), двинулъ впередъ свою бригаду (3-й пѣхотной дивизіи) и занялъ прежнюю позицію; вскорѣ и остальные полки дивизіи присоединились къ нему. Генералъ Добрышинъ, хотя сильно контуженный въ голову, не оставлялъ однако поля сраженія и отбилъ непріятельскую кавалерію, которая атаковала его, не давъ еще устроиться на занимаемой позиціи.

Послѣ этого движенія, суворовцы до окончанія сраженія оставались въ резервѣ за шоссе, не принимая участія въ дальнѣйшемъ ходѣ дѣла.

Разсказывали, что фельдмаршалъ присылалъ флигель-адъютанта—кажется, Крузенштерна — благодарить суворовцевъ за храбрость и молодецкія дѣйствія въ его глазахъ, и даже апплодировалъ намъ. Минута была для насъ торжественная. Поздравленія и распросы начальниковъ и товарищей наполняли наши сердца чувствомъ справедливой гордости.

Потеря, понесенная полкомъ, состояла изъ 18 штабъ и оберъ-офицеровъ и 636 нижнихъ чиновъ. Грустно было вспомнить намъ о падшихъ храбрыхъ товарищахъ; но мысль, что они честно и свято исполнили долгъ свой и геройскою смертію способствовали къ упроченію славы нашего оружія, воодушевляла насъ. Много славныхъ подвиговъ мужества совершено 14-го мая подъ Остроленкой; но, безспорно, вся честь этого дня принадлежитъ достойному и храброму генералу Мартынову, который первый указалъ путь къ славѣ суворовцамъ и первый былъ примѣромъ во всѣхъ бояхъ.

ТЯЖЕЛЬНИКОВЪ.

(*) Генералъ Добрышинъ прежде командовалъ генералиссимуса князя Суворова полкомъ.